

Дмитрий КОПЕЛЕВ/
Dmitry KOPELEV

убийство в королевской спальне

murder

in the royal bedchamber

Murders are usually carried out under cover of darkness. The legendary Duc Henri de Guise, known as “Le Balafre” – “The Scarred”, was killed in the early morning. Let us go back to 23 December 1588 and the royal apartments at the Château de Blois. The Duc de Guise entered.

Замок Блуа — любимая резиденция королей из династии Валуа
Справа. Портрет герцога де Гиза. XVI век.

The Château de Blois. The François I wing.
Right. A portrait of the Duc de Guise. 16th century.

По словам мемуариста, Генрих III «был бы достойнейшим государем, повстречайся ему достойный век».

According to the memoirist Pierre L'Estoile, Henri III "would have been a most worthy sovereign, had he encountered a worthy age".

В XVIII веке золотая эпоха королевского Блуа завершилась. Замок стал пристанищем для бывших придворных и постепенно пришел в запустение. In the 18th century the golden age of royal Blois came to an end. The château became a haven for former courtiers and gradually fell into decline.

Всемогущая Екатерина Медичи известна как вдохновительница Варфоломеевской ночи. По сей день имя этой коварной флорентийки окружено черной легендой.

The all-powerful Catherine de Médicis is blamed for inspiring the St Bartholemew's Day Massacre. Still today a dark legend surrounds this devious Florentine-born queen.

Блестящему политику Генриху II подданные дали прозвище «прекрасный сумрак».

The brilliant politician Henri II was nicknamed "the Brilliant Twilight" by his subjects.

В состав королевского совета входили 15–20 человек из числа принцев крови, кардиналов и высших должностных лиц. Совет выполнял консультативные функции при короле.

The King's Council comprised 15–20 men drawn from among the princes of the blood, the cardinals and holders of senior state offices. The council had consultative functions.

Восемь дворян из личной охраны Генриха III встали, приложив руки к черным бархатным беретам. Ответив на приветствие, де Гиз проследовал мимо них к старому кабинету, где король назначил ему встречу. Откинув портьеру в дверях, он шагнул в тесный коридор и увидел перед собой троих вооруженных людей. В тот же момент восемь человек, дежурившие в спальне, накинулись на него сзади. Он почувствовал, как кто-то вцепляется ему в плечо, железной хваткой сжимает запястья, подсекает сзади коленом, и сразу — удар кинжалом в грудь и второй — в горло. Герцог запутался в плаще, не успев выхватить шпагу. Он отбивался бонбоньеркой, из которой минуту назад лакомился сладостями, сумел повалить четверых, отступая обратно в спальню. Но силы были слишком неравны. Нападавшие, толкаясь и мешая друг другу, беспорядочно кололи герцога кинжалами. Они поняли, что Меченый не надел кольчугу, и нанесли удары в грудь, в живот, в шею. В дикой сутолоке де Гиз остервенело сопротивлялся и вместе с повисшими на нем убийцами медленно пятился к дверям зала королевского совета, примыкавшего к монаршей спальне. Там в это время проходило заседание, там — спасение!

Однако с каждой секундой его силы убывали. Уже поверженный, хрипя и захлебываясь кровью, он прокричал: «Ко

Eight nobles belonging to Henri III's personal guard stood up and raised their hands to their black berets. Returning their greeting, Guise walked past them towards the old study where he was supposed to meet the King. Turning back the curtain over the doorway, he stepped into a cramped corridor and found himself confronted by three armed men. At that same instant, the eight men on duty in the bedchamber attacked him from behind. He felt someone take firm hold of his shoulder; an iron hand encircled his wrist, then a dagger blow to his chest, and a second to his throat. Entangled in his cloak, the Duke had no time to draw his sword. He snatched up the sweetmeat dish, from which he had been eating raisins a minute before, and managed to fell four of his opponents as he retreated into the bedchamber. But the fight was too unequal. The attackers stabbed the Duke in a shambolic rush, their daggers striking at the chest, the belly, the throat. In the midst of the mad scrimmage, Guise slowly fought his way back towards the doors of the King's council chamber. The council was meeting there and that meant hope of salvation.

мне, друзья!» Крик услышали в зале совета и рядом на лестнице, но было уже поздно. Командир телохранителей короля де Луаньяк ударом сзади прикончил герцога. Меченый упал в изножье королевской кровати, успев прошептать: «Это все мои прегрешения. Помилуй меня, Господи!»

Когда все было кончено, в спальню вошел Генрих III. Он пнул ногой исколотое кинжалами тело и произнес свою историческую фразу: «Нас больше не двое, отныне король только я!»

Теперь вернемся назад, чтобы восстановить хронологию и историческую подоплеку знаменитого убийства в Блуа. Истоки драматического противостояния Генриха III и Генриха де Гиза и его кровавой развязки — династический кризис, поразивший правящую династию Валуа в разгар Религиозных войн. Все четверо сыновей Генриха II и Екатерины Медичи не имели законных детей-наследников и умирали рано — как будто бы их семью преследовал злой рок. Чуть больше года правил старший из братьев, Франциск II, умерший в шестнадцать лет. На царствование среднего брата, Карла IX, пришла Варфоломеевская ночь, после ужасов которой 24-летний король лишился рассудка. К моменту описываемых событий трон уже четырнадцать лет занимал следующий по счету брат, Генрих III,

Every passing second, however, was stripping him of his strength. Already floored, gasping and choking on blood, he cried out, "Help, friends!" His cry was heard in the council chamber and on the adjoining staircase, but it was already too late. With a blow from behind, Loignac, the commander of the King's bodyguard, put an end to the Duke's life. Le Balafré fell at the foot of the King's bed, managing to whisper, "Those are all my sins! Lord, have mercy on me!"

When it was all over, Henri III came into the bedchamber. He kicked the dagger-riddled body and pronounced the words that have gone down in history: "There are no longer two of us; from now on I alone am king!"

Now let us go back further, to establish the chronology and the motives behind the infamous murder at Blois. None of the four sons of Henri II and Catherine de Médicis had legitimate heirs and all four died young — as if some malevolent fate were pursuing the family. The eldest brother, François II, ruled for just over a year, dying at the age of sixteen. The reign of his brother, Charles IX, was marked by the St Bartholemew's Day Mas-

Франциск II и Карл IX — старшие братья Генриха III и его предшественники на французском престоле.

François II and Charles IX, the elder brothers of Henri III who preceded him on the French throne.

которого все чаще одолевали разные хвори. Случись что с королем — и престол неизбежно должен был перейти к представителю другой династии, ибо у монарха не было сына, а его младший брат Франсуа четырьмя годами ранее скончался при загадочных обстоятельствах. Согласно древним законам королевства, преемником должен был стать первый принц крови — протестант Генрих де Бурбон, правивший в Наварре. Но Папа Римский никогда не стал бы короновать главу еретиков, запятнавшего себя войной против католиков.

Завладеть тронном жаждали и могущественные герцоги Гизы. Они возвысились в последние тридцать лет, а их наследственная вотчина Лотарингия по сути составляла государство в государстве. Самым влиятельным из лотарингских принцев был ярый враг протестантов Генрих де Гиз. Он начал поход за престол и был готов к решительной и рискованной игре.

Короля крайне тревожило сложившееся положение дел. Он не мог допустить, чтобы какие-то лотарингские выскочки посягали на целостность монархии, но и Генрих Наваррский не вызывал у него особых симпатий, хоть и был женат на его сестре Маргарите: слишком уж легко менял веру, да и вообще — кто знает, что у этого хитреца на уме. Противостояние

трех сил — Валуа, Бурбонов и Гизов — вылилось в продолжавшуюся не один год «войну трех Генрихов».

Надо сказать, что Генрих III — одна из самых сложных и трагических фигур эпохи Религиозных войн. Натура неуравновешенная, он весь был соткан из противоречий. Этот человек, склонный к меланхолии и депрессии и, казалось бы, слабый, был в действительности расчетливым, циничным политиком, озабоченным престижем королевской власти. Многие ненавидели короля за неумеренную любовь к роскоши и двуличию. После бесконечных оргий его охватывал страх перед Всевышним, он истово постился, устраивал покаянные шествия в веригах и паломничества к святыням. Однако Генрих III не раз шел на уступки врагам веры, и фанатики-католики все чаще презрительно называли его вероотступником. Открытая неприязнь к монарху день ото дня возрастала, что, естественно, было на руку его соперникам.

Высокорослый силач герцог де Гиз отличался властью и непомерным честолюбием. Он был прославленным полководцем, не знающим страха, блестящим кавалером, любимцем придворных дам. На левой щеке герцог гордо носил уродливый шрам — след гугенотской пули. Его отец Франсуа де Гиз, прежний

gain the crown and was prepared to act decisively and take risks.

The King was greatly alarmed at the situation. He could not allow some upstarts from Lorraine to infringe upon the integrity of the realm, but neither did he have any great liking for Henri of Navarre, although he was married to his sister, Margaret: he was too quick to change his faith, and in general it was impossible to tell what went on in his devious mind. The clash of these three forces — the Valois, the Bourbons and the Guises — boiled up into the “War of the Three Henris” that went on for years.

It must be said that Henri III was a complete patchwork of contradictions. A man inclined to melancholy and depression, seemingly weak-willed, he was in reality a calculating, cynical politician, obsessed with the prestige of royal power. Many hated the King for his immoderate fondness for luxury and his duplicity. After endless orgies he was struck by a fear of the Almighty. He fasted sincerely, organized penitential processions in chains and pilgrimages to holy sites. Yet Henri III repeatedly made concessions to the enemies of his faith and fanatical

Убийство герцога де Гиза. Гравюра. XVI век.

Ниже. Замок Блуа. Спальня Генриха III, в которой произошло убийство герцога де Гиза.

The Slaying of the Duc de Guise. Engraving, 16th century.

Below. The Château de Blois. Henri III's bedchamber in which the Duc de Guise was murdered.

Святая Лига — религиозно-политическое объединение французских католиков в их войнах с гугенотами. Возглавляли Святую Лигу герцоги Гизы.

The Holy League was the religious and political association of the French Catholics in their wars with the Huguenots. The ducs de Guise were heads of the Holy League.

Братья Гизы. Слева направо: Карл Майеннский, Генрих Меченый и Людовик, кардинал Лотарингский. Портрет на дереве. XVI век. После расправы над его братьями герцог Майеннский возглавил Лигу и продолжал войну против Генриха III, а затем — против Генриха IV.

The Guise brothers. Left to right: Charles de Mayenne, Henri "Le Balafré" and Louis, Cardinal of Lorraine. A portrait on panel. French school. 16th century. After the killing of his brothers at Blois the Duc de Mayenne assumed leadership of the Holy League and continued the war against Henri III and then against Henri IV (Navarre).

вождь католиков, передал сыну не только ненависть к протестантам, но и свое прозвище — Меченый. Как главный защитник истинной веры, Меченый-младший имел огромное влияние при дворе и был кумиром католиков-простолюдинов.

В строжайшей тайне придворные генеалоги дома Гизов составили для них фамильную родословную. Гизы во что бы то ни стало хотели доказать, что ведут свой род от самого Карла Великого, а значит, имеют законное право занять престол. Валуа же, по их мнению, были самозванцами, потомками бастардов, когда-то обманом захвативших французский трон. И Меченый, уже видевший себя правителем Франции, все меньше считался с королем-«узурпатором». Генрих III, естественно, не жаловал дерзкого лотарингца. Он запретил Меченому приезжать в Париж, где у того было огромное число приверженцев. Однако в мае 1588 года, невзирая на приказ короля, де Гиз въехал в город, где его встретили с невиданным триумфом, точно король — он. Тем самым он спровоцировал мятеж против Генриха Валуа, известный как «день баррикад». Униженному монарху пришлось спешно спасаться бегством. Он обосновался в Блуа и стал вынашивать планы мести. Осенью для решения неотложных дел в королевстве он созвал в Блуа Генеральные штаты — хороший предлог, чтобы

Catholics were increasingly speaking of him despisngly as an apostate. Open hostility to the monarch was growing by the day, which naturally played into the hands of his rivals.

The tall, physically powerful Duc de Guise was an imperious and excessively ambitious character. He was a celebrated military commander who knew no fear, a fine gentleman and a favourite with the ladies of the court. On his left cheek the Duke proudly bore a disfiguring scar left by a Huguenot bullet. His father, François de Guise, the previous leader of the Catholics, had passed on to his son not only a hatred of Protestants, but also his nickname — Le Balafré. As the chief defender of the true faith, Le Balafré's wielded enormous influence at court and was the idol of the Catholic common folk.

Henri III naturally did not look favourably on the bold warrior from Lorraine. He forbade Guise to come to Paris where the Duke had an enormous following. In May 1588, however, in defiance of the King's orders Guise entered the city to be met with an unprecedented triumphant reception, as if he were the king. In doing so the Duke provoked a revolt. The humiliated

заманить туда герцога. Отныне этот замок превратился в поле сражения между двумя Генрихами, и покинуть его суждено было только победителю.

Ради возжеленного престола Гизы давно были готовы на крайние действия. Они даже пытались физически устранить Генриха III, организовав на него несколько покушений, но Бог хранил короля. В Блуа в покоях Гизов каждый вечер открыто собирались их приверженцы. На обеде 17 декабря брат Меченого кардинал Лотарингский с визовом провозгласил дерзкий тост: «За здоровье моего брата — короля Франции! — после чего во всеуслышание добавил: — Валуа место в монастыре — из него выйдет неплохой монах». От этих слов их сестра герцогиня де Монпансье так воодушевилась, что готова была хоть сейчас собственноручно выстричь королю тонзуру. Генриху III, разумеется, обо всем в подробностях донесли — король вскипел. Ему вспомнилась судьба Хильдерика III, последнего франкского короля династии Меровингов, — в 751 году тот был низложен своим могущественным подданным Пипином Коротким, пострижен в монахи и отправлен доживать век в монастырь Сен-Бертен. Генрих III жаждал отмщения, и чем скорей, тем лучше.

Чувствуя, что тучи сгущаются, близкие к герцогу люди заклинали его ни на шаг

не отпускать от себя охрану, а на аудиенции с королем брать усиленный эскорт и надевать обшитую белой тафтой кольчугу. Но храбрости Меченому было не занимать — он в ответ лишь отмахивался. Скоро в кулуарах дворца шепотом обсуждали брошенные им слова: «Войди в дверь хоть сама смерть, я не дрогну». Смерть между тем уже стояла на пороге.

Генрихом III был разработан подробнейший план убийства. Покончить с герцогом выпало телохранителям короля — тем самым «сорока пяти», которых прославил Александр Дюма-отец в своем романе.

Главную помеху для организаторов покушения представляла бдительная охрана де Гиза. Пришлось долго ломать голову над тем, как отсечь герцога от эскорта и где наброситься на него. Осуществить задуманное было непросто, поскольку Меченый, как главный дворецкий Франции, распоряжался ключами королевской резиденции, а его сторонники ведали перемещением людей в замке.

Королевские апартаменты занимали третий этаж дворца. Прямо над ними находились обширные чердаки, где недавно закончили ремонт, чтобы, в соответствии с пожеланием короля, разместить там монахов-капуцинов. Мало кто знал, что из кабинета Генриха III, любителя потайных ходов, в толще стены на чердак

those close to the Duke begged him not to move a step without his guard, to take a strengthened escort to audiences with the King and to wear a coat of mail trimmed with taffeta. But Le Balafre was nothing if not brave and he simply waved their suggestions aside.

Henri III had worked out a highly detailed plan for the killing. The disposal of the Duke was entrusted to the King's bodyguards — those same "forty-five guardsmen" that Alexandre Dumas-pere celebrated in his novel.

The chief hurdle for the organizers of the assassination was Guise's watchful guard. They had to think long and hard about how to separate the duke from his escort and where to attack him. It was no easy matter to carry out their plans since Le Balafre, as Grand Chamberlain of France, had charge of the keys of the royal residence and his supporters oversaw the movement of people within the chateau.

The royal apartments occupied the third storey of the palace. Directly above them lay the extensive attics. Few knew that thanks to Henri III's love of secret passages there was inside the wall a spiral staircase linking them

Генеральные штаты — собрание представителей духовенства, дворянства и так называемого третьего сословия (остального свободного населения страны). Созывались в периоды ослабления королевской власти для введения новых налогов и решения других вопросов.

The Estates General was a gathering of representatives of the clergy, the nobility and what was known as "the Third Estate" — the remaining free-born population of the country. It was summoned at times when royal power was weak to introduce new taxes and decide other matters.

Духовный глава французских католиков Людовик де Гиз, кардинал Лотарингский, был убит на следующий день после смерти своего старшего брата.

Де Гиз не привык терпеть поражений, но французский трон ему так и не покорился. Guise was unaccustomed to defeat, but the French throne remained beyond his grasp.

Замок Блуа. Зал королевского совета. The Chateau de Blois. The King's Council Chamber.

monarch had to save himself by hastily taking flight. He settled at Blois and began to hatch plans of vengeance.

For the sake of the yearned-for crown, the Guises were ready to go to extremes. They even tried to organize several attempts on Henri III's life, but God protected the King. At Blois supporters gathered openly in the Guises' quarters every evening. At dinner on 17 December, Le Balafre's brother, the Cardinal of Lorraine, challengingly pronounced a defiant toast: "To the health of my brother, the King of France!" Then he added for all to hear, "Valois's place is in a monastery; he will make quite a good monk." Those words so inspired their sister, the Duchesse de Montpensier, that she expressed readiness to tonsure the King personally that very minute. All this was, of course, reported in detail to Henri III. The King saw red. He recalled the fate of Childeric III who had been deposed by a powerful subject, Pippin the Short, forcibly tonsured and sent to live out his days in a monastery. Henri III thirsted for vengeance, and the sooner, the better.

Sensing the storm clouds gathering,

Последний из «ленивых королей» Меровингов беспомощный Хильдерик III был послушной марионеткой в руках своего могущественного подданного Пипина Короткого, который открыл великую эпоху в истории Франции — эпоху Каролингов. The last of the "lazy" Merovingian kings, the ineffectual Childeric III, was an obedient puppet in the hands of his powerful subject Pippin the Short who went on to begin a great era in French history, the Carolingian age.

ведет винтовая лестница — по ней должны были спуститься из «келий» убийцы.

Накануне того дня, на который было намечено убийство, король удостоил своего врага приятной беседы, предложив тому прийти на завтрашнее заседание королевского совета пораньше, чтобы успеть разобрать срочные дела, — он же собирается отъехать днем в загородное поместье Ла-Ну. Рассчитано все было точно. Вельможи, отправляясь на королевский совет, оставляли охрану на верхней площадке лестницы. Во время заседания герцога собирались вызвать в старый кабинет короля — туда из зала совета можно было пройти напрямую, но эту дверь под благовидным предлогом замуровали. Герцогу предстояло идти в старый кабинет кружным путем — по коридору, отходившему от королевской спальни, тоже сообщавшейся с залом совета. По плану к моменту нападения предполагалось запереть ворота замка и развести все подъемные мосты. Вооруженным отрядам королевских гвардейцев уже с вечера приказали перекрыть главный вход, парадную лестницу и все винтовые лестницы, ведущие на третий этаж.

В ночь перед убийством не переставая лил дождь. Король лег раньше обычного, но глаз так и не сомкнул. Поднятый камердинером в четыре утра, он взял

подсвечник и прошел в новый кабинет. Доверенные люди расставили участников заговора по местам: большинство из них заняли позиции на лестницах, восемь человек во главе с командиром всего отряда де Луаньяком остались ждать Меченого в спальне, еще десять — резерв — затаились в старом кабинете. Между шестью и семью утра Генрих III уединился в крошечной молельне при спальне и прослушал мессу. После его ухода капеллан и духовник короля долго молились там об успехе дела.

Не удалось выспаться и де Гизу. Накануне, за ужином, он нашел под своей салфеткой записку, с предупреждением о готовящемся убийстве. Прочитав ее, Меченый, бравирюя, черкнул на том же листке: «Не посмеет», и поспешил на любовное свидание. К себе он вернулся около трех утра. Хирург Лежен передал ему еще несколько анонимных предупреждений — герцог пренебрег и ими. Кинув записки у изголовья, он крепко заснул.

В шесть утра секретарь де Гиза Перикар разбудил герцога, и тот отправился на заседание. Прежде он хотел помолиться в часовне, но она оказалась запертой. Ограничившись краткой молитвой на ходу, де Гиз пересек двор и по парадной лестнице поднялся в зал королевского совета. С утра он не позавтракал и теперь послал Перикара за оставленной в

Варфоломеевская ночь — массовое убийство протестантов католиками в канун дня святого Варфоломея 24 августа 1572 года.

The Massacre of St Bartholomew's Day was a mass slaughter of Protestants by Catholics in Paris, beginning on 24 August 1572, the eve of the saint's day.

ber; another ten concealed themselves in the old study. Between six and seven o'clock Henri III withdrew to the tiny chapel off the bedchamber and heard Mass. After his departure the chaplain and the King's confessor remained there long, praying for the success of the venture.

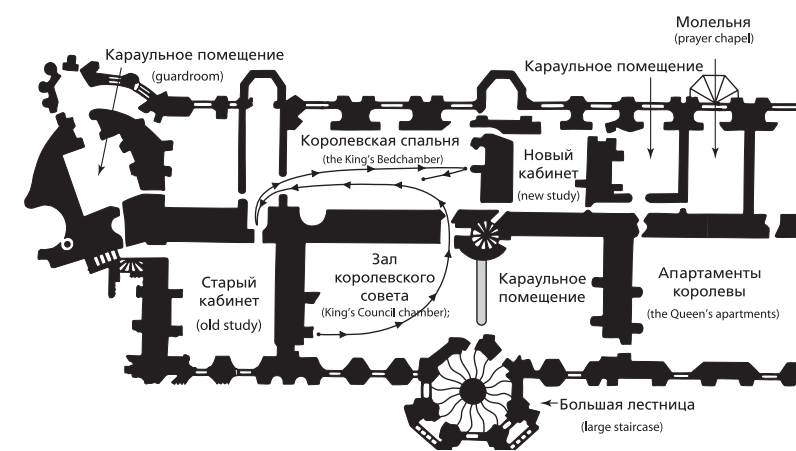
Guise went short of sleep too. At dinner the evening before, he found a note under his napkin warning him of the planned murder. After reading it, Le Balafré wrote with a show of bravado on the same paper "He won't dare", and hurried off to a lovers' tryst. He returned to his apartments about three in the morning to be handed several more anonymous warnings. The Duke, however, dropped the notes alongside his bed and fell into a deep sleep.

At six o'clock Guise's secretary, François de Péricard, woke the Duke, who then set off for the council. He had not breakfasted and sent Péricard back to his bedroom for the silver dish of Damascus raisins left there. Since his secretary was away for a long time, the Duke asked a servant to give him some Brignoles prunes. A few minutes later, the council doorkeeper handed Le Balafré

План третьего этажа замка Блуа в 1588 году. Стрелками показано, как шел герцог де Гиз к месту рокового события.

The Château de Blois. A plan of the third storey in the 16th century. The arrows show the route taken by Henri de Guise.

Вверху. Внутренний двор замка Блуа. Справа. Король встречает прибывших в Блуа братьев Гизов во внутреннем дворе замка у знаменитой лестницы. Картина Пьера Конта

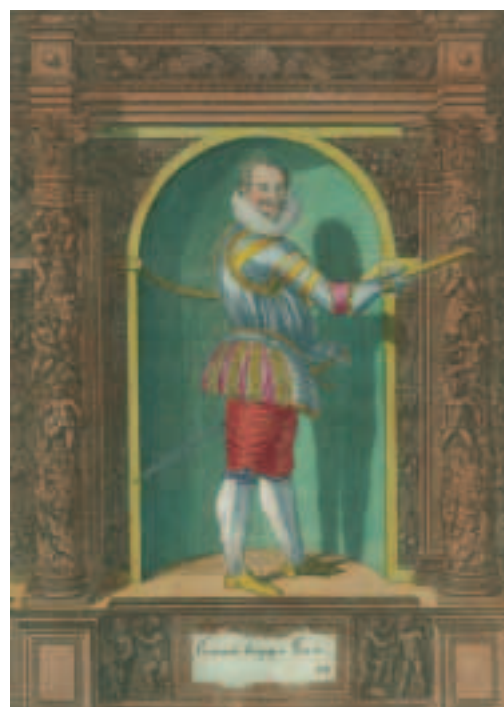
Right. The King Greeting Duc Henri de Guise and His Brother, the Cardinal of Lorraine, upon Their Arrival at Blois. Painting by Pierre Contat.

to his study — and that was the route the killers were to take.

On the day before the murder was scheduled, the King favoured his enemy with a pleasant conversation, suggesting that he come early to the next day's session of the King's council so that they would have more time to settle urgent matters. Everything was precisely calculated. Nobles bound for the council left their escorts on the upper landing of the staircase. During the session it was planned to summon the Duke into the King's old study. There was a direct way there from the council chamber, but that door was blocked on a plausible excuse. The Duke would find himself obliged to reach the old study by a corridor running from the royal bedchamber that also communicated with the council chamber.

The night before the assassination, the King retired early, but he did not sleep a wink. Roused by a valet at four in the morning, he took a candle and made his way to the new study. Trusted men allotted the conspirators to their places: the majority took up position on the staircases; eight men stayed to await Le Balafré in the bedcham-

Генрих III делал все возможное, чтобы в глазах католиков быть ближе к Богу, чем де Гиз. Во время покаянных процессий король и его придворные в белых одеяниях, босиком шествовали по городу, подвергая себя бичеванию.

Henri III did all he could to make himself appear closer to God in Catholic eyes than the Duc de Guise. During penitential processions the King and his courtiers dressed in white and walked barefoot through the city flagellating themselves.

спальные серебряной бонбоньеркой с дамским изюмом. Поскольку секретарь долго не возвращался, герцог велел камердинеру подать сушеных бриньольских слив. Еще через несколько минут привратник совета передал Меченому его бонбоньерку — Перикара в зал не пропустили.

Все видели, что де Гиз с трудом сдерживает тревогу. Вдобавок и его костюм для такого промозглого утра оказался легковат — герцога забила дрожь. Он попросил подложить дров в камин и встал рядом, чтобы согреться. Внезапно подступила дурнота, пошла носом кровь. Наконец, около восьми, заседание совета началось. Король в это время мерил шагами новый кабинет, подсказывая гасконцам, как лучше вернуться от ударов Меченого, куда целить. Когда назначенный час пробил, Генрих III кивнул государственному секретарю Револю — пора было вызывать герцога в старый кабинет. В дверях совета путь Револю преградил привратник: ему было приказано никого не впускать без разрешения короля. Когда обескураженный Револю ни с чем вернулся обратно, король при виде его невольно воскликнул: «Какой вы бледный, Револю! Так вы всё испортите. Потрите себе щеки, да трите же!» Он вышел в коридор и распорядился, чтобы привратник пропустил Револю и де Гиза.

Получив приглашение короля, герцог резко поднялся, опрокинув стул, положил несколько слив в свою бонбоньерку, а остальные разбросал по столу, воскликнув: «Господа, не угодно ли?» Затем, перекинув плащ на левую руку, со словами «Прощайте, господа» де Гиз шагнул к дверям спальни. Едва он вошел туда, привратник метнулся притворить за ним дверь — мышеловка захлопнулась...

Король, осуществив свой коварный замысел, лицемерно попрали все религиозно-нравственные нормы того времени. Убийство не только совершилось в разгар поста, но еще и пришлось на пятницу — святой для истинных верующих день распятия Христа. Отважиться на насилие в такие дни, да еще во время созыва Генеральных штатов, когда по всему королевству наступал мир, было высшим святотатством.

Поражала и неслыханная жестокость содеянного. Сразу после убийства король откровенно глумился над телом де Гиза, приказал привести его брата, кардинала Лотарингского, посулив тому такую же участь. И уже на следующий день кардинала закололи пиками. А ведь он был духовным пастырем государя и имел прерогативу называть его «сын мой» — как архиепископ Реймский, совершавший коронацию. Дабы утратить врагов, Генрих III прямо на рождественской

Убийство герцога де Гиза. Картина Поля Делароша.

Когда убийцы сделали свое дело, из-за портьеры в спальню вошел Генрих III. При виде трупа де Гиза он невольно воскликнул: «Господи! Мертвый он еще больше, чем живой!»

The Slaying of the Duc de Guise. Painting by Paul Delaroche.

When the killers had done their part, Henri III entered the bedchamber from behind the curtains. At the sight of Guise's corpse, he involuntarily exclaimed, "My God! Dead he is even bigger than alive!"

Бриньольские сливы (бриньоли) — изысканное лакомство из чернослива, которым славился Прованс. Такие «конфеты» продавали в маленьких круглых коробочках или пакетиках, перевязанных атласными ленточками.

Brignoles prunes — a refined delicacy made from the dried plums for which Provence was famous. Such sweetmeats were sold in small round boxes or packets tied up with satin ribbons.

Анонимная карикатура на Генриха III, ходившая по рукам после убийств в Блуа.

An anonymous caricature of Henri III that passed from hand to hand after the killing.

зутрене распорядился отсечь мертвым братьям головы и разбросать по саду их искромсанные останки. Затем останки собрали, чтобы сжечь в огромном камине, а головы насадили на шесты и выставили у городских ворот Орлеана и Парижа. Незамедлительно последовали аресты членов семейства Гизов, его сторонников из числа делегатов Генеральных штатов и видных лигистов в провинции.

Сразу после убийства по рукам во множестве стали ходить листки-памфлеты: отныне Генрих III, утверждали их авторы, недостоин титула «наихристианнейший король» — он превратился в короля «наисатанейшего». Оказывается, незадолго до рокового дня он заверял герцога де Гиза, что любит и ценит его больше всех своих подданных, и клялся ему в дружбе. Вероломно нарушив монаршее слово, он вместе с тем оскорбил и сакральную неприкосновенность королевского жилища. Еще рассказывали, что, когда герцог, защищаясь, прикрыл лицо полой плаща с изображением ордена Святого Духа, один из нападавших поразил лик Божий ударом кинжала — высшее святотатство! Так разве не дьявол вдохновлял убийц и разве не суждено им теперь во веки вечные претерпевать муки в геенне огненной? По рукам пошла карикатура на монарха: Генрих III с головой льва (символ его жестокости), женской

his sweetmeat dish — Péricard was not allowed into the room.

The King meanwhile was pacing his new study, coaching his Gascons how best to avoid Le Balafre's blows and where to direct their own. When the appointed hour struck, Henri III nodded to secretary of state Révol to say it was time to summon the Duke to the old study. Révol's entry to the council chamber was barred by the doorkeeper who had orders to admit no-one without the King's permission. At the sight of the dispirited secretary returning with his mission unfulfilled, the King blurted out, "How pale you are, Révol! You'll ruin everything like that. Rub your cheeks. Go on, rub them!" He went out into the corridor and gave orders for the doorkeeper to let Révol and Guise pass.

When he received the King's invitation, the Duke sprang up, knocking over his chair, put a few prunes in his dish and walked to the door of the bedchamber. He had barely passed through when the doorkeeper rushed to bolt the door behind him: the trap had been sprung...

In carrying out his underhand scheme, the King hypocritically flouted all the religious

and moral standards of the day. The murder took place not only at the height of the Advent fast, but also on a Friday, the day of the Crucifixion and thus particularly sacred to believers. To dare to commit violence at such a time, when, moreover, the Estates General were convoked and peace prevailed across the country, was a gross outrage.

The unheard-of savagery of the deed was also staggering. Immediately after the killing, the King openly jeered at Guise's body, ordered that his brother, the Cardinal of Lorraine, be brought and promised him the same fate. The very next day, the Cardinal was indeed run through with pikes. Yet he had been the monarch's spiritual pastor and had the prerogative of calling him "My Son", like the Archbishop of Reims, who performed the coronation. In order to cow his enemies, Henri III gave orders (at matins on Christmas Day!) for the dead brothers' heads to be cut off. Their hacked bodies were to be scattered about the garden, their heads set on poles and put on general display. This was rapidly followed by the arrests of members of the Guise family, their supporters among the delegates of the

Estates General and prominent members of the Holy League in the provinces.

Immediately after the murder a large number of pamphlets began circulating from hand to hand. The authors insisted that Henri III was no longer worthy of the title "His Most Christian Majesty", but had rather become "His Most Satanic Majesty". Apparently shortly before that fateful day he had assured the Duc de Guise that he loved and prized him more than all his subjects and sworn his friendship for him. Treacherously breaking his royal word, he at the same time offended against the sacred inviolability of the monarch's dwelling. It was also claimed that while defending himself the Duke covered his face with the flap of a cape bearing the badge of the Order of the Holy Ghost and one of his attackers struck at the divine countenance with a dagger — sacrilege of the highest kind! A caricature of the monarch also did the rounds: Henri III with the head of a lion (a symbol of his cruelty), a female breast (lasciviousness) and the scaly body of a dragon (the brutal nature and necromantic side of the sovereign). In one hand he clasped a rosary, a symbol of faith,

грудью (сладострастие) и покрытым рыбьей чешуей телом дракона (звериное нутро и колдовское начало государя). В одной руке он сжимал четки — знак веры, в другой — зеркало с отражением Макиавелли. Заповедь последнего — «Цель оправдывает средства» — Генрих III усвоил как никто другой.

Такому ли государю было править «прекрасной сладостной Францией»? Король, разумеется, не мог знать, что, вероломно уничтожив своего соперника, он приблизил свою собственную смерть и предрешил закат Валуа. Когда весть о свершившемся убийстве достигла Парижа, многотысячные толпы заполнили улицы. Люди с зажженными свечами медленно шли по городу, а затем по сигналу задули мерцавшие огоньки. «Пусть так же погасит Господь династию Валуа!» — раздавались возгласы. Словно во исполнение этого пожелания, 1 августа 1589 года монах-лигист Жак Клеман проник в покои короля во дворце Сен-Клу и нанес ему смертельный удар кинжалом. Дом Валуа пал. Завершилась и история трех Генрихов: двое из них пребывали в мире ином, третий, Генрих Наваррский, в конечном итоге вышедший победителем, принял католичество и со словами «Париж стоит обедни» взошел на французский престол. Во Франции началась эпоха Бурбонов. ■

in the other a mirror bearing the reflection of Machiavelli. The Italian's dictum that "The end justifies the means" was one Henri III mastered better than any other.

The King, of course, could not have known that by treacherously eliminating his rival he was hastening his own death and predetermining the demise of the House of Valois. When news of the assassination reached Paris, thousands came out onto the streets. People walked slowly through the city carrying lighted candles, and then at a signal blew out the fluttering flames. "May the Lord extinguish the Valois dynasty in the same way," went the cries. As if in fulfillment of this wish, on 1 August 1589 a monk named Jacques Clément, who belonged to the Holy League, got into the King's apartments at the palace of Saint-Cloud and stabbed him fatally with a dagger. The House of Valois had fallen. The tale of the three Henris had also come to an end: two were now in the next world; the third, Henri of Navarre, who eventually emerged as the winner, converted to Catholicism and ascended the French throne. The Bourbon era had begun in France. ■

Вверху. Вид замка Сен-Клу. Гравюра Ф.-Д. Не по рисунку Менье. 1780-е годы.

Ниже. Смерть Генриха III. Гравюра на дереве. 1589 год.

В замке Сен-Клу в 1589 году был убит Генрих III. Совершая покушение, Клеман был уверен, что сохранит свою жизнь, — Господь, дескать, сделает его невидимым, как только он поразит короля. Ожидания монаха не оправдались — ворвавшиеся гвардейцы подняли убийцу на пики.

Above. View of the Château de Saint-Cloud. Engraving by F.-D. Ney after a drawing by Pierre Louis Meunier. 1780s.

Below. The Death of Henri III. Wood engraving. 1589. The Château de Saint-Cloud, where Henri III was slain in 1589. His assassin, Clément, was convinced that his life would be spared: God would supposedly make him invisible as soon as he struck the blow. The monk was sadly disappointed, the guards burst in and lifted him on their pikes.